

СОКРАТ-ПИФАГОРЕЕЦ — ИЗОБРЕТЕНИЕ ПЛАТОНА?

Ю. А. Шичалин

Статья посвящена образу Сократа у Платона и Аристофана: автор находит пифагорейские черты, свойственные образу Сократа, у обоих авторов. Тем самым статья привлекает внимание к пифагорейцам и их роли в процессе создания постоянных школ и обращает внимание на то, что софисты не были единственной силой, приведшей к появлению постоянных образовательных и научных институтов.

Прежде чем перейти непосредственно к теме статьи, хочу сделать несколько замечаний, которые помогут понять суть предлагаемого в ней подхода к Сократу и так называемым сократикам.

Во всех последующих рассуждениях я исхожу из того, что Сократ нам известен прежде всего как литературный персонаж¹; это не значит, будто я отрицаю историчность Сократа: это означает только то, что, на мой взгляд, в нашем распоряжении нет текстов или каких-то иных свидетельств, ставящих своей целью не создание того или иного литературного образа, а восстановление прообраза, некой реальной фигуры. Менее всего на изложение реальной картины литературной и интеллектуальной истории второй половины V — первой половины IV в. нацелены доксографы, излагавшие историю философии κατὰ διαδοχάς: для сколько-нибудь ясного понимания и корректного изложения как нашего, так и любого другого периода от их школярских схем необходимо отказаться.

По-видимому, настоящую известность Сократ приобретает в 423 г. как комедийный персонаж. Но мы не знаем, почему Аристофан полагал, что Сократ в качестве центрального персонажа комедии вызовет интерес у публики. Мы не можем также сказать, насколько первая постановка комедии *Облака* была своей неудачей обязана именно образу Сократа². Хотя другие комедиографы также

¹ Историки философии регулярно обращаются к этому подходу (см., в частности: *Montuori M. Socrate. Fisiologia di un mito. Firenze, 1974. P. 13–14*) и во всяком случае отмечают условность термина «сократики» (см., например, раздел «Minor Socratics», написанный Ф. Д. Каицци для: *A Companion to Ancient Philosophy / M. L. Gill, P. Pellegrin, eds. Malden (MA), 2006. P. 119–120*). Среди отечественных ученых на Сократа как на литературный персонаж смотрел И. Д. Рожанский (*Рожанский И. Д. Загадка Сократа // Прометей. М., 1972. Т. 9. С. 77–95*), следовавший в этом не в последнюю очередь О. Жигону (*Gigon O. Socrates: Sein Bild in Dichtung und Geschichte. Bern, 1947*).

² *Aristophanes. Clouds / K. J. Dover, ed. Oxford, 1968. P. LVII.*

изображали Сократа, мы можем только гадать, почему начиная с 423 г. Сократ стал популярен у комедиографов³.

Мы также ничего не можем сказать о школе Сократа, поскольку в сознании авторов, вероятно всей первой половиной IV в., ни слова, ни понятия «сократики» не существовало: этот термин мы впервые встречаем у Аристотеля⁴, но у него Σωκρατικοί — λόγοι, а не последователи Сократа, причем это не обозначение речей о Сократе или диалогов с участием Сократа, а указание на некий способ ведения беседы, который на академическом жаргоне назывался Σωκρατικοί λόγοι или τὰ Σωκρατικά⁵: одним из первых стал писать Σωκρατικοί λόγοι Протагор⁶, который, разумеется, не был учеником Сократа и не писал о Сократе, но ввел определенного рода рассуждения.

Представители киренской, мегарской, элидо-эретрийской школ, вероятно, в пределах всего IV в. не называются сократиками, хотя во второй книге Диогена Лаэртия они и сведены в качестве таковых. Впрочем, даже Диоген говорит о «так называемых сократиках» (2. 47. 1: τῶν λεγομένων Σωκρατικῶν) и при этом исключает из раздела о сократиках Антисфена, от сократиков переходит к Платону как к главе другой школы (там же, 4—6). И все же именно Платон, Ксенофон и Антисфен оказываются «главнейшими» сократиками⁷.

Необходимо сделать и еще одну констатацию: как Аристофан в последней четверти V в. пренебрегал различиями между Сократом и софистами, в силу чего и счел возможным сделать Сократа главным софистом⁸ в изображенной им школе, а с его легкой руки осудившие Сократа судьи, вероятно, так и считали его софистом⁹, так в начале 90-х гг. не было никакого специального различия между софистами и «сократиками», которое позволило бы выделить их в некое самостоятельное течение¹⁰. Тем самым не было ни «великих», ни «малых» сокра-

³ О Сократе у комедиографов см., в частности: *Guthrie W. K. C. Socrates*. Cambridge, 1972 (A History of Greek Philosophy; 3. 2). P. 40 sqq. См. также: *Brown P. The comic Socrates // Socrates from Antiquity to the Enlightenment and Socrates in the Nineteenth and Twentieth Centuries / M. Trapp, ed. L., 2007. Vol. 1. P. 1—16.*

⁴ *Aristoteles*. *Rhetorica* 1417a21; *Poetica* 1447b10; см.: *Fragmenta varia* 1. 11. 72.

⁵ *Idem*. *Rhetorica* 1393b4—8: παραβολή δὲ τὰ Σωκρατικά, οἷον εἴ τις λέγει ὅτι οὐ δεῖ κληρωτοὺς ἄρχειν, κτλ.

⁶ *Diogenes Laertius*. *Vita Philosophorum* IX. 53. 1. Правда, тот же Диоген (2.123.16—18) говорит, что еще при Перикле «πρῶτος διηλέχθη τοὺς λόγους τοὺς Σωκρατικοὺς» некий Симон Кожевник, что, на мой взгляд, свидетельствует только о том, что означенный Симон Кожевник — один из литературных персонажей сократической литературы.

⁷ *Diogenes Laertius*. *Op. cit.* II. 47. 2: οἱ χορυφαῖότατοι μὲν Πλάτων, Ξενοφῶν, Ἀντισθένης.

⁸ У Аристофана Облака, которым поклоняется Сократ, — боги софистов (Nubes 311: «Σω. οὐ γὰρ μὰ Δί' οἶσθ' ὅτι πλείστους αὐταὶ βόσκουσι σοφιστάς», etc.); сам Сократ, по мнению хора Облаков, уступает разве что «метеорософисту» Продику (Ibid. 360—361: «οὐ γὰρ ἄν ἄλλω γ' ὑλαχοῦσαμεν τῶν νῦν μετεωροσοφιστῶν // πλὴν ἢ Προδίκω», etc.); наученный Кривдой «выпускник» сократовской школы — софист (Ibid. 1111: «Ἦτ. ἀμέλει, κομιεῖ τοῦτον σοφιστὴν δεξιόν»).

⁹ См.: *Aeschines*. In *Timarchum* 173. 1—4: «ὕμεῖς, ὦ Ἀθηναῖοι, Σωκράτην μὲν τὸν σοφιστὴν ἀπεκτείνετε, ὅτι Κριτίαν ἐφάνη πελαιδευκῶς, ἕνα τῶν τριάκοντα», κтл. См.: *Woodruff P. Socrates Among the Sophists. A Companion to Socrates / S. Ahbel-Rappe, R. Kamtekar, eds. Oxford, 2009. P. 36.*

¹⁰ Во всяком случае, их не видит Исократ как в речи Κατὰ τῶν σοφιστῶν так и в двух других эпидиктических речах, *Бузирице* и *Елене* (этому специально посвящена статья А. В. Усаче-

тиков. Из «великих» Антисфен был одним из софистов, во всяком случае, для Исократа¹¹, как и сам Исократ был софистом в глазах Алкидаманта¹², Демосфена¹³ и в своих собственных¹⁴. Конечно, вероятно, именно облик Сократа и образ его жизни повлияли на Антисфена; но его учителем был скорее софист Горгий, а не Сократ, причем просто потому, что Горгий определенно учил, чего нельзя с уверенностью сказать о Сократе (во всяком случае платоновском). Помимо этого для проведения своих идей Антисфен не ограничивался образом Сократа, но, как известно, использовал, например, образ Одиссея.

Ни в каком смысле не был сократиком профессиональный военный, историк и литератор Ксенофонт, который равно использовал для выражения своих идей как образ Сократа, так, например, и образ перса Кира Старшего, и прочие литературные образы.

Менее всего сократиком был Платон: и хотя во *Втором Письме* от имени Платона и говорится, что он никогда и ничего не писал, так что нет ни одного сочинения Платона, а все, что называют платоновским, принадлежит Сократу¹⁵, сам Платон очевидным образом считает себя пифагорейцем, хотя имя Пифагора и встречается в корпусе его текстов единственный раз¹⁶, и его в античности также воспринимают как философа-пифагорейца (или «пифагориста», как называют его схолии к Феокриту¹⁷).

вой в текущем номере журнала). Здесь же нужно заметить, что и некое «движение софистов», чьими оппонентами могли бы быть Сократ и его школа, также не было деятельностью некоей оформленной группы, но было просто очередным этапом институализации научной и образовательной деятельности, а именно развитием профессионального платного преподавания (см.: *Введение*).

¹¹ *Isocrates*. *Helenaee sncomium* 1. 2–5: тот, кто до старости доказывает невозможность противоречия, — Антисфен, хотя у софистов до него (*Ibid.* 2. 6) были такого рода рассуждения, и, разумеется, его следует отнести к тем, кто, по Исократу (*Ibid.* 9. 5), называют себя софистами. См.: *Xenophon*. *Symposium* 4. 4. 5–6: «ἀνάσχου μέντοι, ὦ σοφιστά, ἐλεγχόμενος», — так Калий обращается к Антисфену (конечно, можно сказать, что это не терминологическое употребление слова, а шутивная реплика в непринужденном разговоре; но даже в шутку никто при жизни не называл Антисфена сократиком); Аристипп — софист для его младшего современника Аристотеля (*Aristoteles*. *Metaphysica* 996a32: «τῶν σοφιστῶν τινὲς οἷον Ἀρίστιππος»).

¹² Напомним, что Алкидамант пишет свою речь прежде всего против Исократа и называет ее «περὶ τῶν τοῦ γραπτοῦ λόγου γραφόντων ἢ περὶ σοφιστῶν».

¹³ Для Демосфена (или иного автора *Contra Lacritium* и для его слушателей / читателей) очевидно, что школа Исократа выпускает софистов (40. 3–4): «...εἰ τις βούλεται σοφιστὴς εἶναι καὶ Ἰσοκράτει ἀργύριον ἀναλίσκειν», κτλ. См.: *Isocrates*. *Fragmenta* 17. 1–2: «Ἰσοκράτης ὁ σοφιστὴς τοὺς εὐφρεῖς τῶν μαθητῶν θεῶν παίδας ἔλεγεν εἶναι». (Theon, I, p. 203 et 210, 15 Walz).

¹⁴ Разумеется, Исократ говорит не в последнюю очередь и о себе: «Οἶμαι γὰρ δήπου τοῦτο γε πάντα γινώσκειν, ὅτι σοφιστὴ μισθὸς κάλλιστός ἐστιν καὶ μέγιστος, ἦν τῶν μαθητῶν τινες καλοὶ ἀγαθοὶ καὶ φρόνιμοι γέωνται καὶ παρὰ τοῖς πολιταῖς εὐδοκιοῦντες» (*Isocrates*. *Antidosis* 220. 1–7).

¹⁵ 314c2–4: «Οὐδὲν πάποτ' ἐγὼ περὶ τούτων γέγραφα, οὐδ' ἔστιν σύγγραμμα Πλάτωνος οὐδὲν οὐδ' ἔσται, τὰ δὲ νῦν λεγόμενα Σωκράτους ἐστὶν...».

¹⁶ *Plato*. *Respublica* 600b2.

¹⁷ *Scholia in Theocritum* 14. 5–6: «Τοιοῦτος πρῶαν τις ἀφίκετο Πυθαγορικτὰς, // ὠχρὸς κἀνυπόδητος· Ἀθαναῖος δ' ἔφατ' ἤμεν. *Scholia vetera*: ἐνταῦθα δὲ Πυθαγοριστὴν τινεσ τὸν Σιμιχίδα, ἕτεροι δὲ τὸν Πλάτωνα φασι. ἐλέγετο δὲ ὁ Πλάτων τὸν Πυθαγόραν οὕτως ἀποδέχεσθαι ὡς καὶ τινα νομίζεσθαι λέγειν ἐξ αὐτοῦ, ὥστε τὸν Πλάτωνα Πυθαγοριστὴν εἰρηῆσθαι. ἕτεροι δὲ ἐναντία περὶ τοῦ Πυθαγορικοῦ καὶ Πυθαγοριστοῦ λέγουσιν».

Именно поэтому в своем первом опубликованном в конце 90-х гг. (см.: *Postscriptum*) и с тех пор постоянно воспроизводившемся европейцами тексте, в *Апологии Сократа*, Платон так рисует нам этого φαίδωνος ὄντιν ἢ τὰς Ἀφῆν¹⁸: перед нами пифагореец¹⁹, верный слуга Аполлона (21e4–5, 23c1, 31b1–5)²⁰, дельфийского бога, сказавшего, что нет никого мудрее Сократа (21a4–7) и тем самым определившего его себе на службу (28e4, 30a5, 33c4–7, 37e6–38a1); Сократ — подарок Афинам от бога (30d7–8, 30e3, 30e6, 31a8), божественный голос²¹ с детства исправно остерегает его от неверных поступков (31c8–9, 31d2–4, 40a4–b6, 40c2–3, 41d5–6) и при этом не запрещает пророчествовать (39c1: χρησιμωδέησαι, 39d9: μαντεύομαι); Сократ очевидно верит в бессмертие души (41c6) и в ее загробное существование (40e4 sqq.), а также в то, что по смерти нас ждут наказания и награды от богов (40c3–5, 41c8–d6).

В связи с этим выразительным образом Сократа в *Апологии* встает вопрос, поставленный в качестве названия статьи: Платон ли изобрел Сократа-пифагорейца и сделал его адептом учения того, кого ученики считали Аполлоном Гиперборейским или Пифийским?²² Если Сократ-пифагореец — новость Платона, почему никто из современников не стал протестовать, как, например, протестовал Исократ, прочтя у Поликрата, что учеником Сократа был Алкивиад? Чтобы ответить на этот вопрос, еще раз присмотримся к образу Сократа у Аристофана и посмотрим, не было ли в окружении Сократа других пифагорейцев кроме Платона.

У Аристофана в *Облаках* изображена школа, каких, похоже, до недавних пор не было в Афинах, поскольку это постоянное специально устроенное помещение, где изучают прежде всего астрономию и геометрию. В Афинах занятия математикой становятся популярны как раз в это время. Прокл, излагая историю геометрии во *Введении* к комментарию на первую книгу *Начал* Евклида, сообщает, что после Пифагора Анаксагор из Клазомен, Энопид Хиосский, Гиппократ Хиосский и Феодор Киренский прославились в математике, причем Гиппократ написал первые Начала²³. Не будем питать иллюзий относительно безупреч-

¹⁸ Я предпочитаю относить это определение (см.: *Diogenes Laertius*. Op. cit. II. 30. 4) к Сократу, а не к Ификрату.

¹⁹ Это упускает из виду Т. Эберт, утверждающий, что Платон впервые и ко всеобщему удивлению нарисовал Сократа-пифагорейца в *Федоне* (*Ebert Th. Sokrates als Pythagoreer und Anamnesis in Platons Phaidon*. Mainz; Stuttgart, 1994; см.: перевод А. А. Россиуса: *Эберт Т. Сократ как пифагореец и анамнесис в диалоге Платона «Федон»*. СПб., 2005. С. 25, 24).

²⁰ См. раздел: «Apologie: der Apollinische Ursprung der Philosophie» в работе: *Schefer Chr. Platon und Apollon: vom Logos zurück zum Mythos*. Sankt Augustin, 1996. S. 53; см. также раздел: «Pythagoras und Apollon» (S. 33–38).

²¹ Хотя Ксенофонов Антисфен в *Пире*, который написан заведомо позже *Апологии*, и знает о «демонии» Сократа (*Symposium* 8. 5. 3), весьма вероятно, что именно Платон придумал эту вполне пифагорейскую черту Сократа: «Пифагорейцам он предсказал восстание, которое действительно произошло, поэтому он и уехал [заранее] в Метапонт, никем не замеченный. Переходя с другими реку Каса, он услышал, как его окликнул глас громкий и сверхчеловеческий: “Привет, Пифагор!” — спутников же его объял ужас» (*Aristoteles*. *Fragmenta varia* 191. 11–15; пер. А. В. Лебедева).

²² *Iamblichus*. *De vita Pythagorica* 6. 30. 15–16.

²³ 65.21–66.11: «...многих геометрических вопросов касались Анаксагор из Клазомен и Энопид Хиосский, который немного моложе Анаксагора; в “Соперниках” Платон упоминает о них как о прославившихся в науках. За ними в геометрии прославились Гиппократ Хи-

ной исторической корректности Прокла, опиравшегося на Порфирия (а не на Евдема, как обычно считается²⁴), но все-таки обратим вместе с ним внимание на безусловную популярность математических занятий в это время: афинские аристократы считали престижным решать задачи по квадрированию луночек, чем был знаменит Гиппократ Хиосский, преподававший математику за плату²⁵. Об Анаксагоре и Энопиде спорят в *Соперниках* из Платонова корпуса (132a5–6) юноши в школе грамматиста Дионисия (у которого, по традиции, учился Платон). Для нас все эти замечания имеют смысл постольку, поскольку отсылают нас к школе Пифагора, имя которого было очевидно популярно в это время.

Прокл не называет еще одну фигуру, которая связывает время появления Аристофановых *Облаков* с Пифагором: разумею Иона Хиосского, разнообразное дарования которого делали его заметным явлением в Афинах. Аристофан не мог не знать о нем, поскольку упоминает его в *Муре* (832–837), поставленном в 421 г. на Великих Дионисиях, вероятно, вскоре после смерти Иона:

Раб: Скажи, а правду говорят, что на небе,
Когда умрем, становимся мы звездами?
Тригей: Все правда!
Раб: Кто же там звездой сделался?
Тригей: Хиосец Ион. Воспевал и прежде он
«Звезду-денницу». Как скончался, на небе
Его прозвали все «Звездой утренней»
(пер. А. Пиотровского)²⁶.

Ион Хиосский — прямой адепт Пифагора: в приводимых у Диогена Лаэртия стихах Иона (1. 120. 7–8 = Fragmenta. 30. 3–4) мудрец Пифагор постиг мнения людей обо всем («...εἴπερ Πυθαγόρης ἐτύμως ὁ σοφὸς περὶ πάντων // ἀνθρώπων γνῶμας εἶδε καὶ ἐξέμαθεν»).

В сочинении *Триады*, написанном, вероятно, в конце жизни, то есть во второй половине 20-х гг., Ион говорил о том, что Пифагор некоторые свои сочине-

осский, открывший квадратуемые луночки, и Феодор Киренский. В частности, Гиппократ упоминается как автор первых “Начал”. За ними был Платон, стараниями которого геометрия — как и остальные науки — получила величайшее развитие» («Ἀναξαγόρας ὁ Κλαζομένιος πολλῶν ἐφήσατο τῶν κατὰ γεωμετρίαν καὶ Οἰνοπίδης ὁ Χίος, ὀλίγω νεώτερος ὢν Ἀναξαγόρου, ὦν καὶ ὁ Πλάτων ἐν τοῖς ἀντερασταῖς ἐμνημόνευσεν ὡς ἐπὶ τοῖς μαθήμασι δόξαν λαβόντων. ἐφ’ οἷς Ἴπποκράτης ὁ Χίος ὁ τὸν τοῦ μηνίσκου τετραγωνισμὸν εὐρών, καὶ Θεόδωρος ὁ Κυρηναῖος ἐγένοντο περὶ γεωμετρίαν ἐπιφανεῖς. πρῶτος γὰρ ὁ Ἴπποκράτης τῶν μνημονευομένων καὶ στοιχεῖα συνέγραψεν. Πλάτων δ’ ἐπὶ τούτοις γενόμενος μεγίστην ἐποίησεν ἐπίδοσιν τὰ τε ἄλλα μαθήματα καὶ τὴν γεωμετρίαν λαβεῖν διὰ τὴν περὶ αὐτὰ σπουδήν», κтл.).

²⁴ *Chitchaline Ju. A. L’Imagination chez Proclus, Porphyre et Erigène // Hermathena. A Trinity College Dublin Review. 1994. Vol. 157. P. 57–66.*

²⁵ См.: *Heath Th. L. A History of Greek Mathematics: From Thales to Euclid. Mineola (NY), 1981. Vol. 1. P. 22* (со ссылкой: *Jamblichus. Op. cit. 89*).

²⁶ «*ΟΙ. Οὐκ ἦν ἄρ’ οὐδ’ ἄ λέγουσι, κατὰ τὸν ἄερα // ὡς ἀστέρες γιγνόμεθ’, ὅταν τις ἀποθάνῃ; // ΤΡ. Μάλιστα. ΟΙ. Καὶ τίς ἐστιν ἀστὴρ νῦν ἐκεῖ // Ἴων ὁ Χίος; ΤΡ. Ὅνπερ ἐπόησεν πάλαι // ἐνθάδε τὸν Ἀοῖόν ποθ’ ὡς δ’ ἦλθ’, εὐθέως // Ἀοῖον αὐτὸν πάντες ἐκάλουν ἀστέρα.*»

ния приписал Орфею²⁷. Для афинян эта связь Пифагора с орфиками, пожалуй, не была неожиданностью: еще Геродот, живший в Афинах при Перикле и читавший здесь своих *Муз*, сообщал, что некоторые из так называемых орфических и вакхических обрядов — на самом деле египетские и пифагорейские²⁸. Если мы рассматриваем *Облака* Аристофана на этом фоне, мы не можем не обратить внимания и на следующие детали.

Когда Стрепсиад, постучавшись в дверь мыслильни, начинает беседу с учеником, тот на первый же вопрос отвечает (140): «ἀλλ' οὐ θέμις πλὴν τοῖς μαθηταῖσιν λέγειν», что явно указывает на закрытый характер школы и должно вызвать ассоциацию с вероятным запретом пифагорейцев разглашать сделанные в школе открытия²⁹.

Уже в школе Стрепсиад видит Сократа подвешенным на канате³⁰, он спрашивает, кто это, и в ответ слышит: «Сам» (*Nubes* 219: αὐτός): так величали Пифагора его ученики, не называя учителя по имени³¹.

²⁷ *Diogenes Laertius*. Op. cit. VIII. 8. 3–5: «Ἴων δὲ ὁ Χῖος ἐν τοῖς Τριγαμοῖς (FGhN 392 F 25a) φησὶν αὐτὸν ἔνια ποιήσαντα ἀνενεργεῖν εἰς Ὀρφέα».

²⁸ 2. 81. 5–7: «Ὁμολογεῖται δὲ ταῦτα τοῖσι Ὀρφικοῖσι καλεομένοισι καὶ Βακχικοῖσι, ἐοῦσι δὲ αἰγυπτιοῖσι καὶ Πυθαγορείοισι»; см. перевод А. В. Лебедева: «[Текст Римской семьи: кодексы RVS] Эти [обычай египтян] согласуются с теми [греческими обрядами], которые называют «орфическими» и «вакхическими», тогда как на самом деле они египетские и пифагорейские» (Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. 1. С. 139).

²⁹ Несмотря на поздний характер изложений истории с Гиппасом и деления на акусматиков и математиков, едва ли можно предполагать, что так называемая школа Пифагора была общедоступной структурой, причем не только в силу ее непривычности и исключительности, но и ее политического характера. Л. Я. Жмудь, весьма скептически относящийся к тайному характеру пифагорейского учения и закрытости ранней пифагорейской школы, делает здравое замечание: «Отвергая мнение о тайности раннепифагорейской *учений*, мы вместе с тем не беремса утверждать, что любой человек мог абсолютно свободно вступить в пифагорейскую гетерию или присутствовать на ее собраниях» (Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. СПб., 1994. С. 99). Замечание Ямвлиха о том, что существовавший запрет на преподавание был снят в связи с бедностью некоего пифагорейца, который стал преподавать геометрию за плату, во всяком случае, заслуживает внимания (*Iamblichus*. De communi mathematica scientia 25. 35–38: «...λέγουσι δὲ οἱ Πυθαγόρειοι ἐξηγητέσθαι γεωμετρίαν οὕτως. ἀποβαλεῖν τινα τὴν οὐσίαν τῶν Πυθαγορείων, ὡς δὲ τοῦτ' ἠτύχησε, δοθῆναι αὐτῷ χρηματίσασθαι ἀπὸ γεωμετρίας»).

³⁰ Креμάθρα: μετέωρόν τι κατασκευάσασμα, ἐν ᾧ ἐτίθεισαν τὰ περιτεύοντα ὄψα. κρεμάθρα δὲ εἶρηται διὰ τὸ αἰεὶ κρεμαμένην μετέωρον εἶναι. εἰσάγει δὲ Ἀριστοφάνης τὸν Σωκράτην ἐπὶ κρεμάθρας καθήμενον γελοίου χάριν, ὡς μετεωρολέσχην (Suda).

³¹ *Elias*. In Porphyrii isagogen commentarium 23. 31–33: «...οὔτε Πυθαγόρας ἐρωτώμενος ἀποκρίνεται οὔτε οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ ἄλλο τι ἀποκρίνονται ἢ ὅτι “αὐτὸς ἔφα”, τὴν ἀπόφασιν τοῦ διδασκάλου ὑπὲρ ἀπόδειξιν ἠγοῦμενοι»; *Eustathius Thessalonicensis*. Commentarii ad Homeri Odysseam 1. 122. 4–5: «...παρὰ τῷ κωμικῷ τὸ αὐτὸ ἐπὶ Σωκράτους ῥηθέν. καὶ τὸ, αὐτὸς ἔφα τὸ ὑπὸ τῶν Πυθαγορικῶν ἐπὶ τῷ διδασκάλῳ λεγόμενον»; Sch. in Nub: «τὸ ἐκεῖνος καὶ τὸ αὐτὸς ἀντὶ ὀνόματος παραλαμβάνουσιν. καὶ Ὅμηρος παρεισάγει τὴν Θέτιν λέγουσαν // τίπτει με κεῖνος ἄνωγε μέγας θεός. V <καὶ παρὰ Πυθαγορείους τὸ “αὐτὸς ἔφα”, > Su. Ald <τουτέστιν ὁ Πυθαγόρας· καὶ ἐν τοῖς ἐξῆς “αὐτὸς”, ἤγουν ὁ Σωκράτης.> Ald; Suda: Αὐτὸς ἔφα: τοῦτο παροιμιᾶκόν ἐπὶ Πυθαγόρου τοῦ φιλοσόφου εἰσῆλθεν εἰς τὸν βίον. οὗτος γὰρ ἀποσεμνύων τὸν ἑαυτοῦ λόγον καὶ βίον ἐν ταῖς ὁμιλίαις ἔλεγε, αὐτὸς ἔφα: ἀντὶ τοῦ εἶπεν. οὐκ ἐμὸς ὁ λόγος, φησὶν, ἀλλὰ τοῦ θεοῦ». См.: *Iamblichus*. De vita Pythagorica 18. 88. 17–89. 1; De communi mathematica scientia 25. 31–33: «...ἐχεῖνου τοῦ ἀνδρός· προσαγορεύουσι γὰρ οὕτω τὸν Πυθαγόραν καὶ οὐ καλοῦσιν ὄνοματι». Несмотря на то что

На вопрос, что он делает, Сократ отвечает (225, 1503): ἀεροβατῶν, о чем считает нужным упомянуть и Платон (*Apologia Socratis* 19с3: «Σωκράτη τινὰ ἐκεῖ περιφερόμενον, φάσκοντά τε ἀεροβατεῖν»). Эта деталь также представляется неслучайной, если вспомнить сообщение Порфирия о том, что сам Пифагор ходил по воздуху (ἀεροβατῶν), а его ученика Абариса называли αἰθροβάτης³².

После небольшого разговора Сократ объявляет, что Стрепсиад нуждается в посвящении (254–259)³³. Как приметы постоянной школы, так и обряд посвящения менее всего свойственны гастролирующим софистам, наезжавшим с лекциями (если только не относить к числу софистов, т. е. профессиональных преподавателей самых разных дисциплин, в качестве их родоначальника и Пифагора, которого хорошо известный афинянам Геродот назвал «не самым слабым знатоком из греков»³⁴); но все это вполне соотносимо с преподаванием Пифагора и сакрализацией знания и учения в его школе. В связи с этим обратим внимание, что в *Евтидеме* Платона не софисты Евтидем и Дионисодор, а Сократ объясняет юноше Клинию, что перед началом обучения над ним совершают θρόνωσις (277d7) — обряд посвящения в мистерии Корибантов, которые были весьма популярны у орфиков.

Точно так же внешний вид Сократа и прочих обитателей его школы весьма напоминают описания «пифагористов» у позднейших авторов³⁵: именно бедность и вынудила представителей пифагорейской школы обратиться к преподаванию и предать гласности часть скрываемого учения. После этого и произошло, согласно Ямвлиху, развитие математических наук, причем в особенности их продвинули вперед двое: Феодор из Кирены и уже упоминавшийся нами Гиппократ из Хиоса, живший в Афинах и преподававший геометрию³⁶. Бедность Сократа на пифагорейском фоне также получает свое обоснование, поскольку у комедиографов именно «пифагористы» высмеивались за нищенский образ жизни³⁷.

приведенные свидетельства опять-таки очень поздние, пифагорейская интерпретация нашего фрагмента из *Облаков* во всяком случае не вероятна.

³² *Porphyrius. Vita Pythagorae* 29. 9–30. 1; см.: *Iamblicus. De vita Pythagorica* 28. 136. 4–9: «...αἰθροβάτης δὲ τὸ Ἀβάριδος [sc. ἐπώνυμον], ὅτι ἄρα διστῶ τοῦ ἐν Ὑπερβορείοις Ἀπόλλωνος δωρηθέντι αὐτῷ ἐποχοῦμενος ποταμούς τε καὶ πελάγη καὶ τὰ ἄβατα διέβαινε, ἀεροβατῶν τρόπον τινά, ὅπερ ὑπένοησαν καὶ Πυθαγόραν τινὲς πεπονθέναι τότε, ἡνίκα καὶ ἐν Μεταποντίῳ καὶ ἐν Ταυρομενίῳ τοῖς ἐκατέρωθι ἐταίροις ὠμίλησε τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ».

³³ «Σω. κάθιζε τοίνυν ἐπὶ τὸν ἱερὸν σκίμποδα. // Ст. ἰδοῦ, κάθημαι. Σω. τουτονὶ τοίνυν λαβὲ // τὸν στέφανον. Ст. ἐπὶ τί στέφανον; οἴμοι, Σώκρατες, // ὡσπερ με τὸν Ἀθάμανθ' ὅπως μὴ θύσετε. // Σω. οὐκ, ἀλλὰ τὰυτὰ πάντα τοὺς τελοῦμένους // ἡμεῖς ποοῦμεν». На важность этой детали неоднократно обращали внимание исследователи; см., в частности: *Janko R. The Physicist as Hierophant: Aristophanes, Socrates and the Authorship of the Derveni Papyrus // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1997. Bd. 118. S. 69–70.*

³⁴ *Herodotus. Histiriae* 4. 95. 9–10: «Ἐλλησί τε ὀμίλησαντα [sc. τὸν Σάλμοξιν] καὶ Ἑλλήνων οὐ τῷ ἀσθενεστάτῳ σοφιστῇ Πυθαγόρῃ».

³⁵ *Nubes* 104: «τοὺς ὠχρῶντας, τοὺς ἀνυποδήτους»; см.: *Scholia in Theocritum* 14. 5–6: «Πυθαγορικτάς, // ὠχρὸς ἀνυπόδητος».

³⁶ *Iamblicus. De communi mathematica scientia* 25. 27–35: «περὶ δ' Ἰπλάσου λέγουσιν, ὡς ἦν μὲν τῶν Πυθαγορείων, διὰ δὲ τὸ ἐξενεγκεῖν καὶ γράψασθαι πρῶτος σφαῖραν τὴν ἐκ τῶν δώδεκα ἐξαγώνων ἀπόλοιτο κατὰ θάλατταν ὡς ἀσεβήσας, δόξαν δὲ λάβοι... ἐπέδωκε δὲ τὰ μαθήματα, ἐπεὶ ἐξηγνήθησαν δισοῖ προάγοντε μάλιστα, Θεόδωρός τε ὁ Κυρηναῖος καὶ Ἰπλοκράτης ὁ Χίος».

³⁷ Фрагмент из комедии Аристофона (IV в.): *Aristophon. Pythagoristes* 9. 1–7: «πρὸς τῶν

Но при этом, если верить Поликрату, Сократ — противник демократии³⁸, то есть в определенном смысле его образу не противоречил свойственный Пифагору и пифагорейцам аристократизм, что не забывал подчеркивать и Платон: Сократ у Платона прекрасно осведомлен, например, в достоинствах Платоновой родни на протяжении нескольких поколений как человек одного с ними круга (см.: *Plato. Charmides* 155a2 sqq., 157e1 sqq.). И вообще Сократ у Платона предпочитает общаться с приличными людьми, а не ведет бесед, как у Ксенофонта, с Антисфеном или с Аристиппом, из которых первый, по Диогену Лаэртию, был нечистокровным, а второй алчным и сластолюбивым³⁹.

Но тот же Антисфен, согласно Порфирию, ценил Пифагора за его риторическую искусственность, позволившую ему равно убедительно говорить перед детьми, женщинами, правителями и юношами⁴⁰. Аристипп же считал, что Пифагора называли так потому, что он изрекал истину не хуже Пифийского оракула⁴¹. И вообще, как справедливо замечает Кристоф Ридвег, «литературные источники начала IV в. до Р. Х. показывают, что положительное отношение к Пифагору и его учению было господствующим»⁴². Все эти обстоятельства, на мой взгляд, и позволили Платону создать в *Апологии* образ Сократа-пифагорейца, воспринятый современниками как вполне узнаваемый в той интеллектуальной атмосфере, которая сложилась в конце 90-х гг. IV в. среди учителей мудрости, использовавших среди прочих средств донесения своих идей и образ Сократа.

Но для самого Платона его первая литературная удача оказалась решающей: Платон решает продолжить литературные занятия и делает главным персона-

θεῶν οἰόμεθα, τοὺς πάλαι ποτὲ // τοὺς Πυθαγοριστὰς γινομένους οὕτως ῥητᾶν // ἐκόντας, ἢ φορεῖν τριβῶνας ἡδέως; // οὐκ ἔστι τούτων οὐδέν, ὡς ἐμοὶ δοκεῖ // ἀλλ' ἐξ ἀνάγκης, οὐκ ἔχοντες οὐδὲ ἔν, // τῆς εὐτελείας πρόφασιν εὐρόντες καλὴν // ὄρους ἔπηξαν τοῖς πένησι χρησίμους», κτλ. См. сходные насмешки у комедиографов Кратина Мл., Антифана, Мнесимаха, Алексида (см. подборку «пифагористы в средней комедии» в: *Фрагменты ранних греческих...* С. 501–503).

³⁸ *Libanius. Apologia Socratis* 1. 1. 48. 2–4: «Σωκράτης ἐμίσει τὴν δημοκρατίαν, ἄνυτε, καὶ τύραννον ἡδέως ἂν εἶδεν ἐφεστῶτα τῇ πόλει; τίνα τοῦτον; ἢ, πρὸς Διός, αὐτόν»;

³⁹ *Diogenes Laertius. Op. cit.* II. 65. 1 sqq.; VI. 1. 2. Возникает естественный вопрос, когда появился Сократ — родоначальник сократиков как некой школы. Во II в. до Р. Х. он, вероятно, уже существовал в «Преемствах» Сотиона, на которого (или на его перелагателей) опирается Диоген Лаэртий; но возможно, что возникает эта идея раньше: Антигон из Кариста писал в III в. о философях и, вероятно, знал эрестика Менедема Эретрийского или слышал о нем (см.: *Diogenes Laertius. Op. cit.* II. 136, 143); Менедем в свою очередь, скорее всего, знал Аркесилая, который, оправдывая свой переход к скептицизму, мог сослаться на опыт Сократа, разумеется, героя платоновских диалогов, что могло подать мысль и Менедему возводить свою школу к Сократу, а это, в свою очередь, мог отразить Антигон. Суда с. v. Πλάτων называет Аркесилая и его последователей οἱ Σωκρατίδες: очень хотелось бы истолковать это замечание в свою пользу, но, вероятно, речь идет о некоем недоразумении (см.: *Philod. Hist. de l'Acad. (Pap. Herc.* 1021 et 164), col. XVII. 39–XVIII. 7, *Diogenes Laertius. Op. cit.* IV. 32 (Antigone de Caryste, *frag.* 18A–B Dorandi)), где Аркесилаю руководство школой после Кратета уступил некий Сократид.

⁴⁰ *Porphyrius. Fragmenta* 51. 30–35.

⁴¹ *Diogenes Laertius. Op. cit.* VIII. 21. 8–10: «φησὶ δ' Ἀρίστιππος ὁ Κυρηναῖος ἐν τῷ Περὶ φυσιολόγων Πυθαγόραν αὐτὸν ὀνομασθῆναι ὅτι τὴν ἀλήθειαν ἠγόρευεν οὐχ ἤττον τοῦ Πυθίου».

⁴² *Riedweg Ch. Pythagoras: His Life, Teaching, and Influence / S. Rendall, trans. L., 2005. P. 59: «...in the literary heritage around the beginning of the fourth century B.C.E. a positive attitude towards Pythagoras and his doctrines seems predominant».*

жем именно Сократа, связывая с его образом как форму, так и содержание своих сочинений. К Сократу историческому этот образ, вероятно, не имел никакого отношения, но он отражал общую атмосферу в Афинах последней четверти V — начала IV в. И о том, что в этом становлении постоянных образовательных институций определенные пифагорейские установки играли не последнюю роль, мы можем судить не только по пифагорейцу Сократу у Платона, но и по пифагорействующему софисту Сократу у Аристофана. И тем самым мы можем предположить, что в Афинах уже в последней трети V в. двумя основными силами, занимавшимися образованием, были пифагорейцы и софисты.

Postscriptum

Я совершенно уверен в том, что *Апология* была первым опубликованным сочинением Платона: представитель аристократического семейства, члены которого сравнительно недавно возглавляли ненавистный афинским демократам олигархический режим и, погубив множество граждан, погибли сами, едва ли мог развлекать афинскую демократическую публику поделками софистического толка — некими посвященными Сократу школярскими произведениями. Для первого публичного выступления нужны были веские причины, и, похоже, они были.

Дело было, разумеется, не только в Аристофане и его *Женщинах в народном собрании*, высмеивавших один из проектов Платона, но также и афинский демократический режим; дело было прежде всего в памфлете Поликрата, которого не случайно выделил Исократ из числа современных софистов в своем *Бузирисе*. Поликрат непосредственно и, видимо, впервые после амнистии участникам олигархического переворота с осуждением вспомнил о Критии и назвал Сократа его учителем. Исократ едва ли случайно именно в *Бузирисе* воспроизвел одну из важнейших тем⁴³ Платонова проекта государственного устройства: всем было ясно, что текст Поликрата имеет политическую подоплеку и не может не задеть Платона, на которого Исократ прозрачно намекает в тоне иронического восхищения в связи с Пифагором и его современными последователями⁴⁴.

Платон в свою очередь прекрасно понимал, что и казнили Сократа из политических соображений: Сократ входил в число 3000 «чистых» граждан, выбранных олигархами, и своими разговорами продолжал досаждать демократам, которые, присоединив Элевсин (в 400 г.), вероятно, хотели разделаться с теми, кто был связан с олигархами в Афинах. Сократа нельзя было прямо осудить за эту связь в силу амнистии, но очевидно, что именно это было подлинной причиной процесса над ним: Анит, от лица которого написал свое *Обвинение Сократа* Поликрат, был лишен олигархами части имущества, находился в изгнании и вместе с Фрасибулом был в Филе; олигархами был казнен сын Ликона, другого обвинителя Сократа⁴⁵.

⁴³ Исократ говорит о наличии в государстве трех классов; другую деталь — необходимость равно обучать мужчин и женщин — обыграл в *Женщинах в народном собрании* Аристофан.

⁴⁴ *Isocrates*. *Busiris* 29. 5–8.

⁴⁵ См.: *Dherbey G. R. Socrate et la Politique. Socrate et les Socratiques*. P., 2001. P. 37; и если (с. 31) Сократ действительно был женат на Мирто (*Diogenes Laertius*. Op. cit. II. 26), связанной

Поликрат, как известно, не только обвинял Сократа, но и восхвалял Фрасибула, сокрушившего Тридцать тиранов⁴⁶, вероятнее всего, в связи с возвращением в Афины в 393 г. Конона, которого называли вторым Фрасибулом. Восстановление с помощью персов Длинных стен, разрушенных в 404 г. с согласия олигархов, имело особенную важность в глазах демократов⁴⁷. Поэтому развитие тематики олигархического переворота в тексте Поликрата не могло не встревожить Платона. Вот почему Платон показывает в *Апологии*, что Сократ не мог быть учителем Крития, потому что он вообще никого и ничему не учил, а приказы Тридцати не выполнял.

Предположить, что в самые тревожные для Афин времена, помимо некоего, так сказать, клубного общения на политические темы (благодаря чему и был известен его проект государства), Платон как добросовестный средний ученик свыше десяти лет писал так называемые ранние сократические диалоги, то есть в большинстве своем литературно бездарные школярские тексты, а потом вдруг стал писать литературно совершенные *Апологию*, *Федра*, *Пир*, *Федона* и пр., можно только при некоем традиционно-схоластическом ослеплении или при полном отсутствии вкуса...

Но когда мы понимаем, что эта школярская часть платоновского корпуса не могла быть написана Платоном в 90-е гг. и что Платон вообще никогда не был «сократиком», то вместе с этим исчезает и все иллюзорное множество «сократической литературы» в 90-е гг.: у нас нет ни текстов этого времени, посвященных Сократу или хотя бы как-то с ним связанных, ни современных свидетельств о наличии этих текстов, кроме свидетельства Исократу о Поликрате⁴⁸, который похвалялся своим *Обвинением Сократа*...

Ключевые слова: образ Сократа, Сократ-пифагореец, Аристофан, Платон, сократическая литература.

SOCRATES THE PYTHAGOREAN: AN INVENTION OF PLATO?

Y. SHICHALIN

(Moscow State University; St Tikhon's University)

This article discusses the image of Socrates as found in the Works of Plato and Aristophanes. The author discovers Pythagorean traits in the image of Socrates as

с аристократическим семейством Эвпатридов (Мирто была правнучкой противника Фемистокла Аристиды, в свое время возглавлявшего олигархическую партию), поводов для нелюбви к Сократу со стороны демократов было больше чем достаточно.

⁴⁶ *Aristoteles*. *Rhetorica* 1401a35.

⁴⁷ *Dherbey*. *Op. cit.* P. 32.

⁴⁸ *Busiris* 4. 2–3.

portrayed by these two ancient authors. The author also discusses the Pythagoreans and their role in the creation of stable schools of Philosophy. He likewise shows that the sophists were not the only ones contributing to the creation of centres of education and learning in the ancient world.

Keywords: Image of Socrates, Socrates the Pythagorean, Aristophanes, Plato, Socratic literature.